

Координата «национальная идентичность» в современной украинской публицистике: дискурсные кластеры

Юлия Вышницкая

Киевский университет имени Бориса Гринченко

Аннотация:

Статья представляет собой фрагмент диссертации о мифо-сценариях в современном публицистическом дискурсе. Автор анализирует сценарии противостояния с использованием кластерного анализа. Национальная идентичность рассматривается как одна из доминант публицистического текста и исследуется с помощью мифологических координат «враг», «жертва», «Другой».

Ключевые слова:

Другой, дискурсивный кластер, идентичность, мифологический сценарий, публицистический дискурс.

Введение

Сценарий противостояния реализуется в колониальном/постколониальном, геокультурологическом кластерах публицистического дискурса с помощью мифологических координат Другого, Врага, Жертвы и т.п. Ключевые мифологемы раскрываются сквозь призму концептов памяти/забвения, языка, само – и национальной идентичности. Александр Богомолов и Игорь Семиволос объясняют преимущества дискурсивного анализа тем, что он позволяет отыскать ключевые идеи (концепты, схемы) и ключевые темы, вокруг которых разворачивается общественная дискуссия, и которые по мере накопления складываются в целостное ментальное пространство (Богомолов, Семиволос, 2010а, с. 12).

Опишем дискурсные кластеры сценария противостояния в публицистических текстах журнала «Критика», выделив субфреймы ядерных образов-мифологем оппозитивной модели.

Тема национального и этнического самоопределения систематически поднимается авторами на страницах журнала «Критика».

Кластер геокультурологического дискурса

Определение идентичности посредством «мы – они» стоит, пишут авторы статьи «Falter ego империи: воображаемая цивилизация славянского Крыма» Александр Богомолов и Игорь Семиволос, в центре цивилизационного дискурса. Исследуя крымскотатарскую идентичность, ученые сосредотачиваются на концептах земли (символического утверждения этноса крымских татар, материализованной исторической памяти, «ментального символа групповой идентичности» (Там же, с. 12). Земля становится символической

доминантой сценария преступления «детерриториализованной идентичности крымских татар» (Там же, с. 3) и искажения лица Крыма «разрушением символических для этнической идентичности объектов» (Там же, с. 13); крови/родословной (как маркера «своих», гомогенного этнического сообщества); языка (как элемента «сферы мирового движения», «инструмента в символическом освоении (возвращении себе) земли» (Там же, с. 13)). Сюжет/концепт/тема преступления, говорят авторы публикации, «представляет наимогущественную глубинную схему, встроенную в национальное мировосприятие, которая подчиняет себе другие ключевые концепты и является основой для интерпретации современной политической реальности» (Там же, с. 14). Фабула преступления (собственно сценарий преступления) – разрушение крымскотатарской этнической идентичности – имеет прерванную, незаконченную структуру, поскольку «наказание преступника и возмещение жертве» не состоялись, и это постулирует травматическую ситуацию и разрушительную силу длительного, непрерывного безнаказанного преступления. Правильным завершением сценария преступления является снятие травмы – возвращение домой и «отплата за обесславленное достоинство» (Там же, с. 14). Политологи замечают: отношения между «мы» (русскоговорящим населением Крыма) и «они» (крымскими татарами, украинцами) подаются в публицистическом дискурсе Крыма «не как отношения между этническими группами, которые живут рядом в регионе, а сквозь призму их связи с какой-то сущностью высшего порядка» (Богомолов, Семиволос, 2008, с. 8). «Мы» – российские националисты, – идентифицирует себя выше других, ставит украинцев на «иерархически низший уровень» (Там же, с. 8). Так, утверждают исследователи, дискурс

российских националистов – дискурс «мы», представленный кореферентными номинациями «восточнославянская цивилизация», «восточно-православная цивилизация», «русский мир», «Россия» и т.п. – превращается в «дискурс доминирования» (Там же, с. 8). Понятной в этом контексте является «теория заговора как модель интерпретации политического поведения», которую авторы статьи раскрывают в зеркале реализации позитивного сценария, согласно которому «светлые», «свои», «активные» силы, пребывая в оборонной позиции по отношению к «темным», «чужим», «пассивным» силам (имеется в виду «действующий центр сопротивления» «Русского мира» «радикальному исламу» (в образе крымских татар)), стремятся сберечь определенный status quo. Игровая «исламская карта», по убеждению востоковедов, приобретает ценность в зависимости от того, в чьих руках оказывается – «своих» или «чужих». Она может быть то козырем, то «разменной картой» (Там же, с. 10). Отождествление в крымской пророссийской прессе крымских татар с исламистами смещает межэтнические, межнациональные противостояния в межрелигиозный вектор. Метафора карты выстраивает оппозицию «свой – чужой»: «Интересно сопоставить, – пишут в исследовании “Крымскотатарский газетный дискурс: представления о других” Александр Богомолов и Игорь Семиволос, – образ “козырной карты” – как самоопределения – с метафорой “исламской карты” в крымском российском националистическом дискурсе: общим моментом является обозначение общества как объекта манипулирования, отличительной чертой которого считается скрытая позитивная самооценка (“козырная”, контрастирующая с коннотацией “угрозы” в словоупотреблении “исламская карта”; отличительным является также четко определенный субъект и сфера манипуляции (Украина в “игре”

с Россией) на фоне большого, фактически открытого списка (внешние силы, Запад, Украина, Турция) – в российском дискурсе)» (Богомолов, Семиволос, 2010b, с. 19).

В образовательно-научном дискурсе оппозиция своего-чужого эксплицирует идеологически обусловленное противостояние «нашего»/советского «гнилому Западу», «буржуазной науке». Анализируя status quo современной украинской науки и образования, Григорий Грабович в статье, опубликованной в январско-февральском номере «Критики» за 2005 год, «Перед Европой: возможна ли реформа в науке и образовании?», констатирует «имплицитное противопоставление украинского образования и науки внешнему миру», которое в постсоветский, постколониальный период не исчезло, а лишь спряталось, замаскировалось (по большей части, уточняет гарвардский профессор) под «патриотизм» (Грабович, 2005, с. 24). Анализируя контент учебников по истории для средней школы, Вильфрид Йильге красноречиво называет его «соревнованием жертв»: переоценка мифов, связанных с историей, собственно демифологизация определенных исторических явлений – создают векторы другой стереотипизации, подчиненные уже украинскому националистическому образу истории, например: образ «своего» посредством переоценки истории ОУН и УПА, образ-симулякр «Другого» как результат исключения «инаковости» в контексте национальной истории и Холокоста, а также конструирование украинского Холокоста сквозь призму образа жертвы. Иллюстрируя первый вектор, немецкий историк отмечает, что «в целом, учебники структурированы на основе скорее автостереотипа “своего”, нежели гетеростереотипа “другого”» (Йильге, 2006, с. 15). Украинские национальные стереотипы, смоделированные под углом «соревнования жертв», по мнению автора

исследования, выполняют очистительную функцию: очищают «свою» нацию от фальши и лжи «чужого» – советского, однако только воля признать «иного» и, таким образом, «плюрализм культур памяти» скорректирует правдивый образ истории (Там же, с. 17).

Как одну из парадоксальных черт большинства национальных культур рассматривает историк Вадим Ададулов создание своего на обломках чужого. Автор статьи «Чужие среди своего», говоря о «польских шляхетских поместьях» (Ададулов, 2010, с. 27) – замках, дворцах, крепостях и пр., – с печалью констатирует: «Каждая ли культура, чтобы придать камням своей идентичности, обязана сначала выковырять их из стен чужаков, которые когда-то господствовали на ее современной территории?» (Там же, с. 26). Эссеист отмечает еще более радикальный сценарий национально-го самоутверждения: уничтожение чужого на своей территории: «его <украинского общества – Ю. В.> причастность к этим <инокультурным – Ю. В.> объектам в большей степени сказывалась в осадах и попытках уничтожить символы “чужого” на землях, которые она считала своими» (Там же, с. 27). Историк резюмирует: для утверждения полиэтнического и мультикультурного государства, а также создания собственной национальной идентичности (которую «мы творим сами, в своем сознании, организовывая систему граничных обозначений так, что “свое”, если не хае, то умалчивает “чужое”, если только оно не является фоном, на котором выгоднее подчеркнуть уникальность нашего собственного “я”» [Там же, с. 27]) важно пропагандировать и поддерживать одновременное существование «своего» и «чужого» (Там же, с. 27). О подобном формировании современных идентичностей как «пространства взаимных травм, обид и все большего непонимания» (Стриек, 2010, с. 27) идет речь в статье – рефлексии

на монографию Дануты Сосновской «Иная Галичина». Томаш Стрыек пропускает смысловые интенции книги через развернутую метафору-лейтмотив прикосновения: образы озера, ладоней и др.), которая является ключевой в украинско-польско-чешских взаимоотношениях в 19 веке. Томаш Стрыек раскрывает «реконцептуализированное» понятие идентичности, которое автор книги о другой Галичине заменяет «понятием идентичностного процесса» (Там же, с. 30), в свете чего «идентификация является не только выбором, но и взаимоотношениями между личностью и другим, своеобразной игрой двух сторон, в которой стабилизация недостижима» (Там же, с. 30).

Колониальный/ постколониальный кластер

Виталий Нахманович в статье – реплике на концептуальные подходы историков (например, Снайдера, Химки, Когута) относительно украинского националистического движения настаивает на постколониальном заимствовании Украиной пантеона врагов (а статья вышла в сентябрьско-октябрьском номере «Критики» за 2010 год): Мазепы, Петлюры, Бандеры. Позаимствовав, говорит исследователь, мы «не желаем добавлять к нему <пантеону врагов – Ю. В.> ни одной новой фигуры, чтоб, упаси Господи, не выйти из удобной (глубоко советской на самом деле) парадигмы: было черное – стало белым» (Нахманович, 2010, с. 10). В координате не-памяти сталкиваются две концептуальные точки: враг и жертва. Последняя актуализируется в экзистенциальной плоскости выбора: память/воспоминание/напоминание прямопропорциональны пережитому жертвами и вере в свидетельства жертв, которые раскрывали «невероятный характер и неправдоподобный масштаб советских преступлений» (Толчик, 2010, с. 10).

Однако, отмечает Дарюш Толчик, «масштаб злодеяний советских коммунистов вышел за любые рамки вероятности <...>» (Там же, с. 12). Поэтому нелегко было поверить в самые преступления. Автор эссе делает вывод относительно последствий непризнания зла или закрывания глаз на тоталитарное советское зло: его «сооружение» (олицетворением чего, напоминает историк, является «Аврора») стоит, точнее, «все еще стоят ее руины, часто заслоняя и нарушая панораму двадцатого столетия. Нужно что-то с этим делать. Особенно потому, что в России уже начали видеть в них ностальгическую красоту. И уже превращают их в театральные декорации. А на Западе тоже хватает любителей эффектных спектаклей и живописных руин» (Там же, с. 14).

Антитеза «своих» и «врагов» появляется в польском политическом контексте в статье Марцина Куля «“Солидарность” как модель демократии», где «неудовлетворенным людям»-полякам противопоставляются «притеснители – враги Польши» (Куля, 2010, с. 8). Неожиданной для традиционно-го разделения бинарности «свой – чужой» является сконцентрирована семантика двукости лидера польской «Солидарности» Леха Валенсы, о котором говорится в статье Иренеуша Кшеминского «Валенса и польская традиция»: «Леха Валенсу как символ и своего рода репрезентант возрожденной после коммунизма Польши для всего мира часть поляков ненавидит больше, чем ненавистного “чужого”» (Кшемінський, 2010, с. 9). Другой польский социолог Павел Спеквек раскрывает в «Идеологических спорах и разговорах о памяти» тезис об особенностях оппозиции «свой – чужой»: её сущность можно «описать в масштабе своё – универсальное / европейское» (Спеквек, 2010, с. 12). Профессор Варшавского университета отмечает, что «перспектива “мы” и “они” сохраняется, независимо от декларирования

представителей всех наций», даже если это касается проблемы жертв Холокоста. Рассматривая мифы на тему Холокоста, автор статьи обращается к очерку Здислава Краснодембского «Возобновление памяти», в котором тот «разделяет оправданное для многих поляков убеждение, что “их” история и “их” жертвы не могут затмить “наши” жертвы <...>, оправдывая мимолетно перспективу соперничества между жертвами и избегая при этом проблем исключительности немецкого преступления против евреев» (Там же, с. 16). Проблема разъединения, которая усиливает пропасть между “мы” и “они”, поднята в статье Мирослава Мариновича «Польша и Украина после медового месяца» сквозь мифологическую призму: миф о Сизифе, суть которого в проекции польско-украинских отношений и состоит в том, что «каждая достигнутая духовная вершина словно предрекает, что следующее движение будет означать новое снижение духа» (Маринович, 2010, с. 28). Увеличение противоречий между государствами относительно исторической памяти, по мнению публициста, влечет более быстрое падение камня Сизифа вниз. «В этой ситуации, – предлагает свой рецепт писатель, – каждый осторожный голос становится благодатным деревом, которое пускай даже и не остановит камень, но сможет удержать его падение» (Маринович, 2006, с. 29). По Владимиру Фадееву, коллективная (национальная) историческая память – это «референтная рамка и ориентир социальной группы» (Фадеев, 2004, с. 24). В статье «Украинские интеллектуалы: в режиме вытеснения» философ останавливается на механизмах «кадровки коллективной памяти», а также на «трех ценностно-смысловых перспективах в толковании украинской идентичности» (Там же, с. 25).

Богуслав Бакула в эссе «Невыносимая легкость бремени» в контексте выхода

польской культуры «из состояния аутизма, к которому ее привели коммунистические репрессии» (Бакула, 2010, с. 36) отмечает, что «вражеские миры автохтонов и переселенцев взаимопроникали и рождался особенный палимпсест <...>» (Там же, с. 36). Однако, замечает литературовед, иногда такое «созвучие своего и чужого» было очень драматичным (Там же, с. 36). Профессор университета имени Адама Мицкевича в Познани говорит о палимпсестном соединении, наложении своего и чужого, что, в конце концов, выстраивает определенное «мультикультурное пространство воспоминаний» (Там же, с. 37). Подобное наблюдаем, говорит исследователь, в произведении Павла Гиле «Мерседес Бенц»: «Миры, которые до сих пор казались друг другу чужими и непримиримыми, в романе становятся литературным и идейным единством» (Там же, с. 37). В этом контексте автор эссе объясняет природу пограничья: его нельзя ни в коем случае воспринимать как «буферную зону, пространство внешнего контекста» – пограничье является «чем-то на подобие внутреннего явления, своеобразной формой граничной ситуации, которая может появиться всюду» (Там же, с. 37).

На поле битвы за коллективную память разворачивается «война мифов» о Второй мировой войне: советский – о Великой Отечественной и украинский национальный – о борьбе за свободу и независимость во главе с ОУН-УПА. В контексте состязания – мифологического поединка – проектируется вопрос, озвученный Александром Зайцевым, – «имеет ли право считать себя нацией общество, которое культивирует взаимоисключающие исторические мифы?» (Зайцев, 2010, с. 16). Так, в советском мифе о Великой Отечественной войне мифосценарий противостояния реализуется в традиционной мифопарадигме противоборства добра со злом, где

олицетворением первого является СССР, а воплощением абсолютного зла – фашизм (Там же, с. 16). Проект формирования исторической памяти в Украине потерпел поражение, говорит автор статьи в мартовско-апрельском номере «Критики» за 2010 год, потому что в нем соединяются «принципиально несовместимые мифы» (Там же, с. 17). Выход из такой ситуации историк видит в демифологизации, десакрализации, дегероизации, рационализации истории войны, «многовекторном представлении спорных событий и явлений, без умолчаний, приукрашиваний, поспешной героизации одних и демонизации других» (Там же, с. 17).

Еще одно составляющее коллективной памяти – память о Чернобыльской зоне, о приобретенных в ней носителями этой исторической памяти уникальных знаний, впечатлений, навыков (Мирный, 2010, с. 20). Аномальность этой личностной и коллективной памяти состоит в неосознанности пережитого, а отсюда – усиление психотравмы, связанной с патогенным мифом Чернобыля («опосредованно, – уточняет Сергей Мирный, автор статьи «Чернобыль как инфо-травма», – через их <чернобыльцев – Ю. В.> социальную стигматизацию и виктимизацию» (Там же, с. 21). Негативный образ Чернобыля выстраивает, считает исследователь, два противоположных типа идентификации: негативный и позитивный.

Всеволод Исаев, исследуя «альтернативы диаспорной идентичности» (одноименная статья в январско-февральском номере «Критики» за 2002 год), отмечает, что частью идентичности в диаспоре стал идеализированный образ независимой Украины, однако столкновение этого образа с реальностью приводит, считает автор публикации, к сдвигу и корректировке идентичности (Исаїв, 2002, с. 3). Всеволод Исаев видит несколько альтернативных путей идентичности украинской диаспоры: национальная

самоидентичность 1) = идеализированная Украина; ≠ Украина сегодня; 2) = Украина реальная; 3) = ассимилированная идентичность: компонент «идентичности общества, в котором живет личность»; 4) нахождение, открытие своей идентичности (Там же, с. 3). Все четыре альтернативы, отмечает исследователь, «перекрещиваются и существуют в комбинациях» (Там же, с. 4). Владимир Диброва в размышлениях о национальной идентичности современной украинской интеллигенции (эссе «Луис и Карлос. Из “Преданий”») подчеркивает отличное от великодержавного имперского российского «укоренения» и поиска «сермяжной правды» движение от земли вверх (Діброва, 2007, с. 33).

Михаил Минаков в статье «Бром и вина» предостерегает от того, что, закрывая глаза на свое прошлое, то есть не признавая своей причастности к советскому прошлому, нация отрабатывает «механизм самосохранения ростков тоталитарной логики» (Минаков, 2005, с. 13). Вытеснение из памяти прошлого – это лишь «создание иллюзии, что тоталитарное прошлое – на самом деле в прошлом» (выделено автором: Минаков, 2005, с. 13). Философ настаивает на крайне важных для будущего страны контроверзах «между национальной идентичностью и модерной моральностью» (Там же, с. 13), поскольку «противоречие между реальностью морали и национальной идентичностью в нашей ситуации <...> будет определять украинскую современность и будущее через личностное измерение. Именно здесь происходит борьба проектов. Именно здесь принимаются решения касательно ориентиров поступков» (Там же, с. 14).

Эндрю Вилсон в книге «Украинцы: неожиданная нация» моделирует альтернативные идентичности украинского народа, не использованные по каким-то причинам или не развитые полностью, например,

идентичность тех, кто, не присоединившись к украинской национальной традиции, исповедует советскую. Франк Сысин в статье – рецепции монографии отмечает, что автор «прекрасно исследует размытые границы украинской, советской, российской и славянской идентичности в советской Украине в сталинские и послесталинские времена» (Сисин, 2002, с. 20).

Жанна Ковба в рамках дискуссии об этноидентичности спрашивает: «если этническое самоопределение – это осознание своей независимости по отношению к определенному обществу как к чему-то отличному от других сообществ и содержит противопоставление другим сообществам (мы – они, свои – чужие) какое-то представление об основе своей идентичности, то можно ли говорить о наличии украинского этноцентризма?» (Ковба, 2005, с. 19). Исследуя украинско-европейские взаимоотношения времен Второй мировой войны в Галичине (в которых укоренен поиск врага, традиционное противопоставление своих – чужих, города – села, влияния советской / немецкой / польской пропаганды и т.п.), историк пытается понять, «является ли ксенофобия как враждебное отношение к другому, чужому составляющим этнического сознания, идентичности?» (Там же, с. 19): фобия, размышляет Жанна Ковба, связана с «эмоциональным пограничным состоянием оценки чужого, отличного от своего, защитная реакция от чужих “мы” и “они”» (Там же, с. 19). Толерантность и ксенофобия являются коммуникативными практиками современного мира (разновидностями и антиподами ксенофобии считаются «рассизм, шовинизм, марксизм, интернационализм, юдофильство, антисемитизм» (Там же, с. 19).

Таким образом, в геокультурном кластере мегамифосценарий оппозитивного типа – противостояния «мы – они» (этнично-родового «мы – вы») – реализуется в координате

национальной идентичности через 1) мифологический образ земли как экспликатему концепта памяти (материализованная память рода/крови) и семантическую доминанту микросценария преступления, а также оппозицию «мы – они», которая в крымском пророссийском националистическом дискурсе экстраполирует манипуляционные, идеологические векторы со смещенными центрами противостояния; 2) мифологему Другого (растерянного Иного как объекта раздвоенной цивилизации, варварского Другого как актанта сценария колонизации; Другого-чужака, Другого-гостя – в зеркале постмодернистских риторических стратегий и стереотипов); 3) мифологему врага (эксплицированного «системой», «стихий», «мировым заговором» и пр.; в парадигме ментально травмированной советской системы координат: «мы – они» с метонимическим образом врага – «гнилого Запада/буржуа» (путинская Россия), германо – и польскофобского образа врага (лукашенковская Беларусь), которым противодействует сакрализованный, мифологизованный образ России – воплощение мирового добра); 4) концепт жертвы (сценарий «состояния жертв» как проявление авто – и гетеростереотипизации, как отображение собственной идентичности в Другом). Мифосценарий противостояния характеризуется как продуцированием микросценариев, так и нивелированием, опровержением, снятием оппозиций, отождествлением членов оппозиции с угасанием напряжения между силовыми полями (это свойственно травестийной, постмодерной культуре, в которой реальность и виртуальность, настоящее и симулятивное смещаются, миксируются, смыкаются). Национальная идентичность проектируется микросценариями а) сотворения своего на обломках чужого, б) радикального самоутверждения

(уничтожения чужого на своей территории), в) сосуществования своего и чужого как отражения современных тактик национальной/этнической самоидентификации, коммуникативного практикума «Я – Другой».

В колониальном/постколониальном кластере сценарий противостояния «мы – они» разворачивается посредством 1) образа Иного (Другого) – своеобразного барометра самоидентификации; 2) образа врага (внешнего и внутреннего) как реинкарнация в тоталитарной системе идеологии противостояния «Большого Брата» и «Империи Зла» (вариант «империя свободы» (Запад, Америка) и «империя коммунизма» (Россия, Восточная Европа) как противостояние личностной идентичности деспотизму, регрессии, угнетения, как результат стереотипизации и ментального картографирования мира) и культурно-антропологического типа «советского человека» как реализация – через концепт власти – мифосценариев доминирования и освобождения от давления, как проигрывание «кремлевской матрицы» продуцирования врагов). Такие коммуникативные практики, как ксенофобия (Другой = враг) и толерантность (Другой ≠ враг) являются компонентами национальной/этнической идентичности; 3) концепта памяти/забвения/принудительной амнезии (в которых сталкиваются оппозитивные образы врага и жертвы, аксиологические и онтологические факторы верификации сценария преступления / вины; память антропологизируется через образы иных/других/отличных; сценарий вины как наглядная, вербализованная демифологизация; патогенный миф о Чернобыле как неосознанная усиленная психотравма и проектирование позитивного и негативного типов идентификации; Голодомор как фактор этнической самоидентификации украинцев, как экспликация сценария искупления, как

проявление осознанной амнезии и манипулирование в парадигме советской/тоталитарной/имперской подмены понятий; 4) концепта экзистенциального выбора: уподобиться «им» или остаться собой; 5) образа жертвы (в парадигме комплементарного заимствованного мифа о Сизифе: увеличение межгосударственных противоречий относительно исторической памяти равносильно более резкому падению вниз Сизифового камня; в утопическом дискурсе с обязательным членом «Другой» (непреренно несчастный, тот, который нуждается в помощи); 6) понятия палимпсеста (накладывания, наслоения своего и чужого как проекция мультикультурного пространства памяти); 7) мифосценария поединка добра и зла в «войне мифов» о Второй мировой и Великой Отечественной войне (выход – в дегероизации, демифологизации, десакрализации и многовекторности осмысления истории); 8) идеализированного образа Украины (в контексте комбинированной, перекрестной диаспорной идентичности: идеализированной, реальной, ассимилированной, открытой); 9) концепта идентичности: личностной, национальной, этнической; перевернутая языковая самоидентификация, псевдоидентификация – осознание своей национальной идентичности через чужой язык; 10) концепта языка (двуязычие как экспликация отношений между старшим и младшим братьями сквозь призму великодержавного и дискриминированного языка. ☹

Юлия Вышницкая – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры мировой литературы Института филологии Киевского университета имени Бориса Гринченко. Закончила филологический факультет Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (1996 год) и аспирантуру

Института языковедения им. А. Потебни НАН Украины. Кандидатскую диссертацию на тему «Мифологемы Александра Блока в русском этнокультурном пространстве» защитила в 2003 году. С 2013 г. – докторант Киевского университета имени Бориса Гринченко. Тема докторской – «Мифологические сценарии в современном художественном и публицистическом дискурсах».

Affiliacija:

Юлия Вышницкая
Кафедра мировой литературы
Институт филологии
Киевский университет имени Бориса Гринченко
Email: julia_vishnya@ukr.net

Литература:

- Ададуров, В. (210). Чужі серед свого / Вадим Ададуров // *Критика: часопис. Рецензії, есеї, огляди*. – Рік XI, число 11–12 (157–158), листопад-грудень 2010. – К. : ЗАТ «ВІПОЛ» – 48 с. – С. 26–27.
- Бакула, Б. (2010). Нестерпна легкість тягря / Богуслав Бакула // *Критика: часопис. Рецензії, есеї, огляди*. – Рік XIV, число 5–6 (151–152), травень-червень 2010. – К. : ЗАТ «ВІПОЛ» – 48 с. – С. 31–37.
- Богомолів, О., Семиволос, І. (2008). Alter ego імперії: уявленн цивілізація слов'янського Криму / Олександр Богомолів, Ігор Семиволос // *Критика: часопис. Рецензії, есеї, огляди*. – Рік XII, число 3 (125), березень 2008. – К. : ЗАТ «ВІПОЛ» – 32 с. – С. 8–11.
- Богомолів, О., Семиволос, І. (2010а). Кримськотатарський газетний дискурс: уявлення про себе / Олександр Богомолів, Ігор Семиволос // *Критика: часопис. Рецензії, есеї, огляди*. – Рік XIV, число 1–2 (147–148), січень-лютий 2010. – К. : ЗАТ «ВІПОЛ» – 48 с. – С. 12–15.
- Богомолів, О., Семиволос, І. (2010б). Кримськотатарський газетний дискурс: уявлення про інших / Олександр Богомолів, Ігор Семиволос // *Критика: часопис*.

- Рецензії, есеї, огляди. – Рік XI, число 7–8 (153–154), липень-серпень 2010. – К. : ЗАТ «ВІПОЛ» – 48 с. – С. 15–19.
- Грабович, Г. (2005). Перед Європою: чи можлива реформа в науці та освіті? / Григорій Грабович // *Критика: часопис. Рецензії, есеї, огляди.* – Рік IX, число 1–2 (87–88), січень-лютий 2005. – К. : ЗАТ «ВІПОЛ» – 40 с. – С. 22–25.
- Діброва, В. (2007). Переказки: Луїс і Карлос / Володимир Діброва // *Критика: часопис. Рецензії, есеї, огляди.* – Рік XI, число 4 (114), квітень 2007. – К. : ЗАТ «ВІПОЛ» – 36 с. – С. 32–35.
- Зайцев, О. (2010). Війна мівія про війну в сучасній Україні / Олександр Зайцев // *Критика: часопис. Рецензії, есеї, огляди.* – Рік XIV, число 3–4 (149–150), березень-квітень 2010. – К. : ЗАТ «ВІПОЛ» – 48 с. – С. 16–17.
- Їльге, В. (2006). Змагання жертв / Вільфрід Їльге // *Критика: часопис. Рецензії, есеї, огляди.* – Рік X, число 5 (103), травень 2006. – К. : ЗАТ «ВІПОЛ» – 36 с. – С. 14–17.
- Ісаїв, В. (2002). Альтернативи діяспорної ідентичності / Всеволод Ісаїв // *Критика: часопис. Рецензії, есеї, огляди.* – Рік VI, число 1–2 (51–52), січень-лютий 2002. – К. : ЗАТ «ВІПОЛ» – 32 с. – С. 2–3.
- Ковба, Ж. (2005). У пошуках власної відповідальності / Ковба Жанна // *Критика: часопис. Рецензії, есеї, огляди.* – Рік IX, число 9 (95), вересень 2005. – К. : ЗАТ «ВІПОЛ» – 36 с. – С. 19–23.
- Кульба, М. (2010). "Солідарність" як модель демократії / Марцин Кульба // *Критика: часопис. Рецензії, есеї, огляди.* – Рік XIV, число 5–6 (151–152), травень-червень 2010. – К. : ЗАТ «ВІПОЛ» – 48 с. – С. 8.
- Кшемінський, І. (2010). Валенса і польська традиція / Іренеуш Кшемінський // *Критика: часопис. Рецензії, есеї, огляди.* – Рік XIV, число 5–6 (151–152), травень-червень 2010. – К. : ЗАТ «ВІПОЛ» – 48 с. – С. 9.
- Маринович, М. (2006). «Була б колиска – будуть діти!» / Мирослав Маринович // *Критика: часопис. Рецензії, есеї, огляди.* – Рік X, число 7–8 (105–106), липень-серпень 2006. – К. : ЗАТ «ВІПОЛ» – 40 с. – С. 13–14.
- Мирний, С. (2010). Чорнобиль як інфо-травма / Сергій Мирний // *Критика: часопис. Рецензії, есеї, огляди.* – Рік XIV, число 3–4 (149–150), березень-квітень 2010. – К. : ЗАТ «ВІПОЛ» – 48 с. – С. 20–21.
- Мінаков, М. (2005). Бром і провина / Михайло Мінаков // *Критика: часопис. Рецензії, есеї, огляди.* – Рік IX, число 11 (97), листопад 2005. – К. : ЗАТ «ВІПОЛ» – 32 с. – С. 13–14.
- Нахманович, В. (2010). Не лише про Бандеру... / Віталій Нахманович // *Критика: часопис. Рецензії, есеї, огляди.* – Рік XI, число 9–10 (155–156), вересень-жовтень 2010. – К. : ЗАТ «ВІПОЛ» – 48 с. – С. 9–10.
- Сисин, Ф. (2002). (Не)сподівані українці / Франк Сисин // *Критика: часопис. Рецензії, есеї, огляди.* – Рік VI, число 5 (55), травень 2002. – К. : ЗАТ «ВІПОЛ» – 32 с. – С. 17–21.
- Спевак, П. (2010). Ідеологічні суперечки та розмови про пам'ять / Павел Спевак // *Критика: часопис. Рецензії, есеї, огляди.* – Рік XIV, число 5–6 (151–152), травень-червень 2010. – К. : ЗАТ «ВІПОЛ» – 48 с. – С. 12–19.
- Стриєк, Т. (2010). Національні культури у дзеркалі сусідів / Томаш Стриєк // *Критика: часопис. Рецензії, есеї, огляди.* – Рік XI, число 11–12 (157–158), листопад-грудень 2010. – К. : ЗАТ «ВІПОЛ» – 48 с. – С. 27–30.
- Толчик, Д. (2010). Мистецтво не бачення / Дарюш Толчик // *Критика: часопис. Рецензії, есеї, огляди.* – Рік XI, число 9–10 (155–156), вересень-жовтень 2010. – К. : ЗАТ «ВІПОЛ» – 48 с. – С. 11–14.
- Фадєєв, В. (2004). Українські інтелектуали: в режимі витіснення / Володимир Фадєєв // *Критика: часопис. Рецензії, есеї, огляди.* – Рік VIII, число 1–2 (75–76), січень-лютий 2004. – К. : ЗАТ «ВІПОЛ» – 40 с. – С. 24–25.

Koordytana „tożsamości narodowej” we współczesnej publicystyce ukraińskiej: klastry dyskursywne

Streszczenie:

Artykuł stanowi fragment pracy doktorskiej na temat skryptów mitologicznych we współczesnym dyskursie publicystycznym. Autorka bada przeciwstawne sobie skrypty, używając do tego analizy klastrów. Tożsamość narodową rozpatruje jako jedną z koordynat tekstu publicystycznego, składającą się z dialektycznych (dominujących – opozycyjnych) obrazów, tj. „wróg”, „ofiara”, „Inny”.

Słowa kluczowe:

Inny, tożsamość, klastry dyskursywne, skrypt mitologiczny, dyskurs publicystyczny, dialektyka Swój/Obcy.